

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.31857/S086919080017343-4

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН:
ВАЖНЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОПОРЦИИ, ФАКТОРЫ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ^{1, 2}

© 2021

В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ ^a

^a – Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Резюме: В статье, основанной на ряде авторских расчетов и моделей, показано, что в механизме современного (интенсивного) экономического роста (СЭР), который за последние двести лет привел к колоссальному прогрессу в ныне развитых государствах (РГ) и немалой части развивающихся стран (РС), в последние 3–4 десятилетия возникли серьезные сбои. Несмотря на информационную революцию, углубление международного разделения труда (МРТ), в РГ и многих РС произошло заметное сокращение среднегодовых темпов прироста (СГТП) подушевого ВВП (ПВВП) и совокупной факторной производительности (СФП).

Хотя РГ все еще с отрывом лидируют в мире в сфере фундаментальных технологических инноваций и по уровню производительности, они, вследствие потери демографического дивиденда, снижения эффективности госуправления, гипертрофированного (по сравнению с реальным сектором) развития финансовой сферы, заметно сдают ряд своих позиций в мировой экономике быстрорастущим РС.

В отличие от многих африканских, ближневосточных и латиноамериканских стран, в ряде азиатских стран (в т.ч. КНР, Индии, Индонезии, новых индустриальных странах (НИС)), вследствие проведения в них политики прагматичных реформ и открытости, внедрения современных технологий и социальных инноваций, СГТП ПВВП и СФП в тенденции значительно повысились.

Вместе с тем, учитывая, что во многих РГ и РС после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. не произошло существенного смягчения финансово-экономических и социальных проблем, а накануне и во время пандемии они обострились, нельзя исключать того, что, если в относительно короткие сроки в РГ и РС не будут проведены серьезные социально-ориентированные реформы и значительно увеличена помощь последним, в т.ч. в борьбе с пандемией, в мире в ближайшие год-два может возникнуть системный или достаточно глубокий финансово-экономический и социально-политический кризис.

Ключевые слова: развитые и развивающиеся страны, экономический рост, модели, финансовые, экологические и социальные проблемы.

Для цитирования: Мельянцев В.А. Современный экономический рост в развивающихся странах: важнейшие тенденции, пропорции, факторы и социальные последствия. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. 203–212. DOI: 10.31857/S086919080017343-4

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

² Часть 2. Часть 1 см. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 203–215.

MODERN ECONOMIC GROWTH OF DEVELOPING COUNTRIES: THE MOST IMPORTANT TRENDS, PROPORTIONS, FACTORS AND SOCIAL CONSEQUENCES

© 2021

Vitalii A. MELIANTSEV ^a

^a – Institute of Asian and African Studies, MSU, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Abstract: *The article based on a number of author's calculations, shows that in the mechanism of modern economic growth, which over the last two hundred years has led to colossal progress in the now advanced economies (AES) and a part of developing countries (DCS), there occurred serious failures in the last 3–4 decades. Despite the information revolution and deepening of the international division of labor, compound annual growth rates (CAGRs) of per capita GDP (PCGDP) and total factor productivity (TFP) in the AES and many DCS have demonstrated a significant tendency to slowdown.*

Although the AES are still leading the world in the field of fundamental technological innovations, due to the loss of the demographic dividend, decrease in the efficiency of government effectiveness, hypertrophied development of the financial sector, they are noticeably losing their positions in the world economy.

Unlike many African, Middle Eastern and Latin American countries, a number of Asian countries (including the PRC, India and NICS), due to the policy of pragmatic reforms and openness, has succeeded in acceleration of CAGRs of their PCGDP and TFP.

However, given that in many AES and DCS after the global crisis of 2009 there was no significant mitigation of financial and social problems, and on the eve and during the pandemic they aggravated, it cannot be ruled out that if serious socially oriented reforms are not carried out in the AES and DCS, a deep financial, economic and socio-political crisis may arise in the world in the next year or two.

Keywords: developed and developing countries, economic growth, models, financial, environmental and social problems.

For citation: Meliantsev V.A. Modern Economic Growth of Developing Countries: the Most Important Trends, Proportions, Factors and Social Consequences. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. 203–212. DOI: 10.31857/S086919080017343-4

ДИНАМИКА, МОДЕЛИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ

В РС ситуация не менее противоречива. Вследствие того, что в нескольких десятках из них, прежде всего в КНР, Индии, Индонезии, ряде новоиндустриальных стран, были проведены прагматичные рыночные реформы (при сохранении весомых позиций государства в ключевых сферах экономики), а также произошло значительное наращивание вложений в физический и человеческий капитал и расширение их мирохозяйственных связей, СГТП ПВВП РС вырос в 8–9 раз с ~0.3% в 1800–1950 гг. до 2.6% в 1950–1980 гг. и 1980–2020 гг.³.

³ При этом СГТП численности населения в целом по группе РС сократился весьма заметно – с 2.2% в 1950–1980 гг. до 1.8–1.9% в 1980–2000 гг. и 1.3% в 2000–2020 гг. Что касается СГТП ВВП РС, то он, несмотря на его увеличение, в частности, по Китаю, в целом за последние четыре десятилетия снизился, но вчетверо меньше (с 4.8% в 1950–1980 гг. до 4.2% в 1980–2020 гг., или на 0.6 п.п.), чем по группе РГ (соответственно с 4.6 до 2.2%, или на 2.4 п.п.). (рассч. по источникам граф. 1 [Мельянцев, 2021].

Согласно рассчитанной нами модели⁴, в 1980–2010-е гг. на 3/4 более высокий СГТП ПВВП в целом по РС по сравнению с группой РГ (2.6% vs 1.5%) (см. граф. 1; [Мельянцеv, 2021, с. 206]) может объясняться на 1/3 *более низким исходным уровнем их ПВВП* (т. н. преимуществом отсталости А. Гершенкрона); на 2/5 – *более высокой нормой совокупных капиталовложений* и ~ на 1/5 – *относительно быстрым увеличением (с низкого значения) уровня экономической глобализации РС*.

По другой модели, рассчитанной по крупным странам мира, более быстрый рост ПВВП в РС по сравнению с РГ (в 2000–2010-е гг. 3.4% vs 0.8%), определялся ~ на 1/4 в целом более высокой в РС нормой совокупных капиталовложений, но в гораздо большей мере, на 3/4, более существенным прогрессом *в повышении в них (с низких стартовых значений) уровня экономической свободы и качества государственного регулирования экономики*⁵.

РС, которых насчитывается в мире не менее 150, присуща *огромная дифференциация в макроэкономической и социальной результативности*. Более значимых успехов в последние десятилетия добилась немалая часть азиатских РС. Они, (а) опираясь на опыт Японии, (б) используя огромные массы сравнительно дешевой, но достаточно адаптивной и быстро обучающейся рабочей силы, (в) соблюдая, как правило, незавышенный курс своих валют, (г) в большей мере, чем другие РС, придерживаясь принципов трудовой этики⁶, (д) активно применяя методы индикативного, а иногда и полудирективного планирования, стали осуществлять достаточно эффективную стратегию индустриализации по типу экспортоориентированного импортозамещения, наращивая вывоз готовых изделий вначале невысокой, а затем и более высокой степени сложности.

Что касается Африки южнее Сахары (АЮС), большинства стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), Латинской Америки (ЛА) и группы стран, ранее входивших как республики в СССР, то они, при всей немалой дифференциации между ними, в большей или меньшей степени специализируются в мировой экономике на экспорте сырья и продуктах его первичной переработки, что ставит их в *сильную зависимость от конъюнктуры глобального рынка* и далеко не всегда (если не сказать редко) обеспечивает устойчивый и динамичный рост ВВП.

Если в РС Восточной Азии (ВАЗ) СГТП их ПВВП вырос почти вдвое – с 3.2% в 1950–1980 гг. до 6.1% в 1980–2020 гг. и более чем вдвое в Южной Азии (ЮАЗ) – соответственно с 1.4% до 3.5%, то в ЛА он сократился вчетверо (с 2.5 до 0.6–0.7%), в странах БВСА в целом в 7 раз (с 3.5 до 0.5%), в АЮС – в 8 раз (с 1.6 до 0.2%) (рассч. по источникам к граф. 1; [Мельянцеv, 2021, с. 206]).

Возникшее в 1980–2020 гг. превосходство группы РС над РГ в СГТП ВВП привело к тому, что их вклад в *прирост глобального ВВП* вырос с 2/5 в 1950–1980 гг. до 2/3 в 1980–2020 гг.

⁴ $\text{GrY/Pi} = -6.23 - 0.04 \cdot \text{Y/P80i} + 0.26 \cdot \text{mPKHK}_i + 0.03 \cdot \Delta \text{EcGL}_i$, F-StatProb=4.25E-06; $R^2 \text{adj} = 0.78$.
(p=0.003) (p=0.019) (p=0.000) (p=0.093)

GrY/Pi – СГТП подушевого ВВП (%), Y/P80i – подушевой ВВП в 1980 г. в долл. и ППС 2011 г., mPKHK_i – средняя за период доля (норма) вложений в физический и человеческий капитал в ВВП (%), ΔEcGL_i – прирост показателя глобализации (по базе данных КОФ), проц. пункты; i – страна. [Мельянцеv, 2018, с. 105].

⁵ $\text{GrY/P}_i = -5.65 + 0.23 \cdot \text{mPKHK}_i + 2.05 \cdot \Delta \text{EcFreedom}_i$, $R^2 \text{adj} = 0.71$, N = 18, L = 2000–2010-е гг.
(p=0.005) (p=0.0007) (p=0.0006)

GrY/P_i – СГТП ПВВП; mPRHK_i – доля валовых капиталовложений, расходов на образование и НИОКР в ВВП, %; $\Delta \text{EcFreedom}_i$ – изменение за рассматриваемый период уровня экономической свободы (рассч. по источникам к граф. 1, 2, 3 [Мельянцеv, 2021, с. 206, 209].

⁶ По нашей модели, сравнительно более высокий СГТП ПВВП в РС Восточной и Южной Азии по сравнению в целом со странами Африки южнее Сахары, Ближнего и Среднего Востока и Латинской Америки можно объяснить примерно на 2/5 проведением в первой группе стран более активной экспортоориентированной политики и на 1/3 большей приверженностью первых принципам трудовой этики (примерно 1/4 пришлась на неидентифицированные факторы). [Мельянцеv, 2018, с. 104].

В основном эта метаморфоза была обеспечена экономическим рывком КНР, по которому рассматриваемый показатель повысился почти на порядок – с 4–6% в 1950–1980 гг. до 12–13% в 1981–2000 гг., 19–21% в 2001–2010 гг. и 38–40% в 2011–2020 гг. (рассч. по источникам к граф. 1 [Мельянцев, 2021, с. 206]).

В результате *доля РС в глобальном ВВП* (на базе расчета в ППС 2017 г.) в 1950–2020 гг. увеличилась более чем в 1.5 раза до 3/5 (см. табл. 2)⁷. Это произошло за счет усиления позиций азиатских РС, доля которых в глобальном ВВП выросла почти вчетверо ~ до 2/5. При этом совокупная доля других РС в глобальном ВВП, напротив, сократилась ~ с 1/4 до 1/5.

	1000	1800	1950	1980	2020
Запад	11.2	27.3	59.3	51.2	36.4
Япония	2.5	2.6	2.7	7.2	4.0
РГ	13.7	29.9	62.0	58.4	40.4
РС	86.3	70.1	38.0	41.6	59.6
РС Азии	62.8	52.3	10.8	12.4	41.8
Африка	14.6	5.6	4.5	4.3	4.9
ЛА²	4.4	2.3	8.6	10.8	7.8

Таблица 2. Доля развитых государств (РГ) и развивающихся стран (РС) в глобальном ВВП, %

Примечание. 1. Расчет в ППС 2017 г. 2. ЛА – Латинская Америка.

Рассчитано по источникам к граф. 1.

Рассмотренные факторы вызвали *эффект конвергенции* РС и РГ по уровню ПВВП и привели к снижению относительного разрыва с шестикратного в 1980 до ~ четырехкратного в 2020 г.⁸, а по ИЧР, который в 1950–1980 гг. и в 1980–2020 гг. рос в целом по РС более чем в полтора раза быстрее, чем в среднем по РГ, он в 1950–2020 гг. сократился ~ на 2/5 – с 3.5 в 1950 г. до 2.8 в 1980 г. и 2.2 в 2020 г. (см. граф. 1 [Мельянцев, 2021, с. 206]; граф. 5).

Если в 1950–1980 гг. ПВВП КНР не превышал 4–5% от уровня США, то в 2020 г., вследствие проведения в 1980–2010-е гг. политики реформ и открытости, существенного увеличения нормы капиталовложений, повышения качества рабочей силы и управления, внедрения новых технологий, 3–4-кратного опережения США по СГТП ее ПВВП (5.8% vs 1.6%)⁹, рассматриваемый показатель достиг как минимум 1/4 от уровня США. *Объем ВВП*

⁷ Без КНР доля РС в глобальном ВВП (в ППС 2017 г.) увеличилась в рассматриваемый период только на 1/5 до 2/5. Примерно такую же долю составляла в 2020 г. доля РС в глобальном ВВП при подсчете в валютных курсах.

⁸ При этом, однако, абсолютный разрыв в уровнях ПВВП в среднем между двумя группами стран вырос почти на 3/4.

⁹ По нашим расчетам по приведенным формулам ([Мельянцев, 2021], прим. 25), опережающий рост ПВВП Китая к США примерно поровну можно объяснить более высоким у него вкладом капиталовооруженности и эффективности труда (в рост ПВВП). Рассчитано по источникам к граф. 1 и 2 [Мельянцев, 2021], а также [Мельянцев, 2019, с. 6].

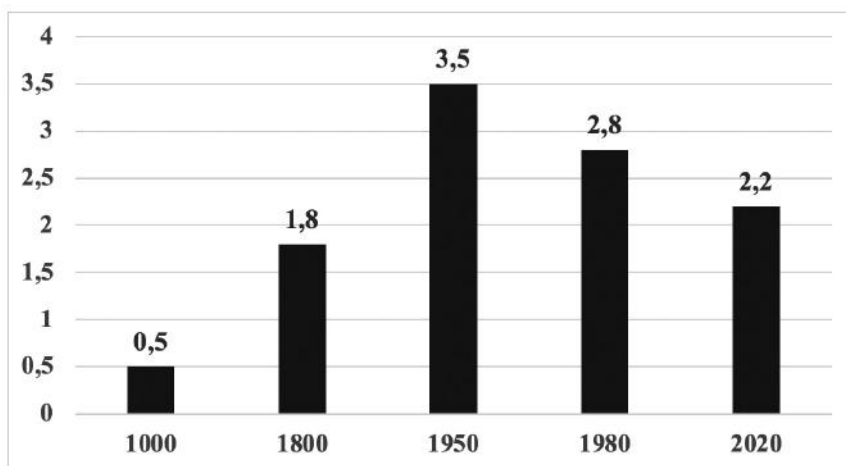

График 5. Соотношение уровня ИЧР ныне развитых государств (РГ) к развивающимся странам (РС), 1000-2020 гг., в размах

Рассчитано по источникам к граф. 3.

КНР (в ППС 2017 г.), составлявший в 1980 г. немногим более 1/5 от уровня США, в 2020 г. превысил его почти на 1/5. Последние 40 лет стали, несомненно, лучшими в 4000-летней истории Китая.

В целом по группе РС произошло значительное усиление интенсивности сдвигов в структуре производства и занятости. В частности, СГТП абсолютных величин структурных изменений по трехсекторной модели занятости (см. табл.1 [Мельянцев, 2021, с. 207]) увеличился с менее 0.1% в 1800–1950 гг. (в период, когда большинство из них были колониями и полуколониями) до 0.5–0.6% в 1950–1980 гг. и ~ 1.2% в 1980–2019 гг. А доля занятых в неаграрных отраслях выросла в 1950–2019 гг. более чем вдвое ~ до 2/3 (см. табл. 1 [Мельянцев, 2021, с. 207]). Эти сдвиги способствовали удвоению в целом по РС вклада межотраслевого перемещения рабочей силы в прирост их производительности труда (ПТ; с 1/5 в 1950–1980 гг. до 2/5 в 1980–2019 гг.), СГТП которой в последние четыре десятилетия в целом по РС оказался выше на 2/3, в т.ч. в 2000–2020 гг. более чем в 2.5 раза, чем в среднем по РГ.

Вместе с тем, хотя в последние два десятилетия произошла существенная конвергенция в целом по группе РС к РГ по уровню ПТ и средний относительный разрыв в ПТ между ними сократился на треть (между Китаем и РГ – на 2/3, между группой других РС (ДРС) и РГ – на 1/5), общий разрыв по рассматриваемому показателю в 2020 г. между РГ и РС остается весьма большим – четырехкратным (см. граф. 6). При этом, по нашим расчетам, в 2000–2020 гг. абсолютный разрыв в уровнях ПТ в целом между РГ и РС вырос на 1/10 (между Китаем и РГ не изменился, а между ДРС и РГ увеличился на 1/5).

С чем связана сохраняющаяся столь сильная дифференциация в уровнях ПТ между РГ и РС? Вопрос не простой, хотя широко дебатированный в специальных исследованиях.

Согласно рассчитанной нами модели, построенной по материалам 50 крупных и средних стран мира¹⁰, в 2018 г. более высокий уровень ПТ в среднем по РГ по сравнению с

¹⁰ $Y/E_i = 36.6 * TECH_i + 24.1 * ROL_i + 2.7 * EdAttain_i$; $R^2_{adj} = 0.84$; $N = 50$; $F\text{-Stat-Prob} = 1.2E-20$
 (p=0.003) (p=0.1) (p=0.005)

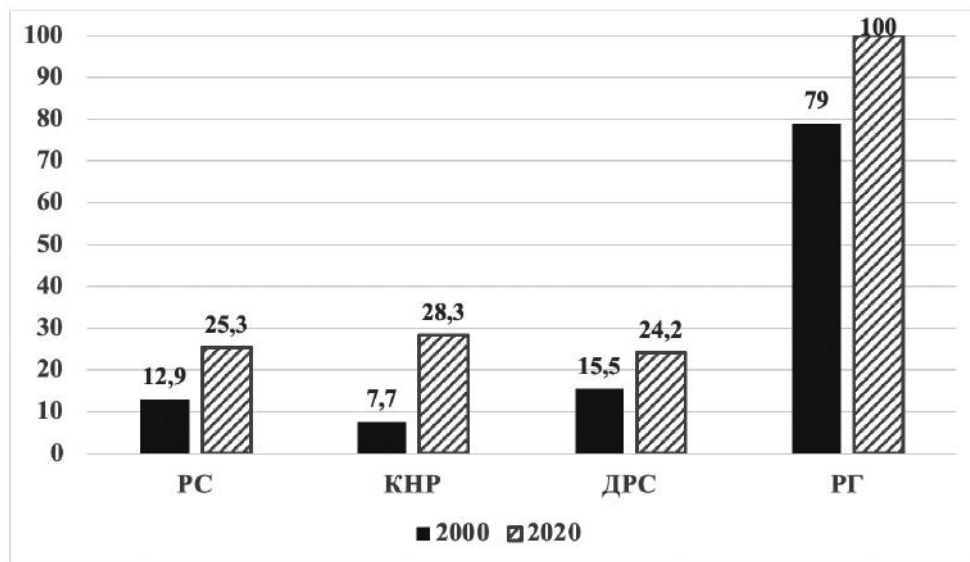

График 6. Динамика относительной производительности труда (ПТ) в РГ, РС, КНР и других РС (ДРС), 2000–2020 гг. (ПТ в РГ в 2020 г. = 100), %

Примечание. Показатели рассчитаны по данным о ВВП в расчете на одного занятого, тыс. долл., в ППС 2011 г. Рассчитано по источникам к граф. 1, а также [Мельянцев, 2019, с. 6].

РС объясняется соответственно ~ на 2/5, 1/5 и 1/6 более высокими в РГ (по сравнению с РС) значениями *индекса современного технологического развития (ИСТР), качества институтов и среднего числа лет обучения взрослого населения.*

Хотя в отличие от группы РГ, в которой в последние сорок лет произошло весьма существенное сокращение СГТП СФП, СГТП СФП *в целом* по РС сильно не изменился (по сравнению с 1950–1980 гг., см. граф. 2 [Мельянцев, 2021]), *вклад СФП в прирост их ВВП* в 1950–2020 гг. достигал в среднем 1/5 (что в 2.5 раза меньше, чем в целом по РГ), а *средний уровень СФП РС от РГ* в 2019 г. не превышал 1/4 (без КНР ~ 1/6) (Рассчитано по данным и источн. к граф. 1,2 [Мельянцев, 2021, с. 206]).

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ, ФИНАНСОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕНА РАЗВИТИЯ

Существенный прогресс в нескольких десятках, а также сбои и провалы в экономическом росте многих десятков полупериферийных и периферийных стран, характеризующихся, как правило, сильной зависимостью от мировой конъюнктуры, невысоким качеством институтов и инновационных систем и развивающихся преимущественно экстенсивно, оплачены немалой экологической, финансовой и социальной «ценой».

Примечания. 1. Y/E – ВВП в расчете на занятого в 2018 г. в ППС, долл. 2011 г. в i-й стране. **TECH_i**, **EdAttain_i**, **ROL_i** – соответственно – ИСТР (индекс современного технологического развития, рассчитан нами как среднее геометрическое невзвешенное трех индикаторов (процент охвата населения интернетом, число заявок на патенты в расчете на 100 тыс. человек и подушевые расходы на НИОКР в ППС), отнесенных к уровню США), индекс соблюдения принципа верховенства закона и число лет обучения взрослого населения, для i-й страны в 2018 гг. 2. Параметры значимы на 10% уровне. 3. Скорректированный коэффициент детерминации показывает, что вариации трех регрессоров в совокупности могут объяснить свыше 4/5 вариаций показателя ПТ по 50 РГ и РС (рассч. по источникам к граф. 1–3 [Мельянцев, 2021], а также [The World Bank, Global Productivity, 2020]).

В мире, как известно, растет озабоченность планетарными последствиями глобального потепления, во многом, как считается, связанного с повышением в атмосфере концентрации диоксида углерода (ДУ). СГТП этого показателя в тенденции угрожающе нарастает: с 0.1% в 1850–1950 гг. до 0.2–0.3% в 1950–1980 гг. и 0.5% в 1980–2018 гг. При этом в мировом *приросте эмиссии ДУ* доля РС увеличилась ~ вдвое – с 47–48% в 1960–1980 гг. до 90–92% в 1981–2018 гг., в т.ч. за счет Китая – с 2–4% до 40–42% (в 1981–2000 гг. 29–31%, в 2001–2018 гг. 44–46%). В расчете на душу населения рассматриваемый показатель по РС вырос ~ с 1/5 в 1980 г. от РГ до без малого 2/5 в 2018 г., в т.ч. по КНР – с 1/7 до 3/4 (рассч. по источн. к граф. 1 [Мельянцев, 2021, с. 206; *The UNDP*, 2019, р. 242, 244; Wolf (1), 2021]).

Финансализация глобальной экономики в последние десятилетия и кредитная накачка как средство ее лечения (и в РГ, и в ряде РС) от последствий затяжного кризиса 2008–2009 гг. и в период пандемии привели к тому, что в целом по миру *объем совокупной непогашенной задолженности, отнесенный к ВВП*, который в 1980–2020 гг. рос со СГТП в 4–5 раз более высоким, чем в 1950–1980 гг., увеличился в 2.4 раза (до 360% ВВП), на 1/5 превысив его феноменально высокое значение во время Великой депрессии (см. граф. 7)¹¹. При этом, если в 2007–2020 гг. прирост задолженности вырос в РГ на 70% их ВВП (или на 1/5), то в РС – более чем на 100% ВВП (на 2/3). Это произошло прежде всего за счет Китая, в котором показатель увеличился на 170% ВВП (он удвоился до 340% ВВП), что позволило ряду западных аналитиков квалифицировать модель его роста в рассматриваемый период как *debt-driven growth*.

Хотя в РС в 1990–2020 гг. *доля критически бедных* (дневн. подушевое потребление до 1.9 долл. в ППС 2011 г.) сократилась в целом вчетверо до 1/10, доля других бедных (соотв. от 2 до 10 долл.) выросла на 2/5 до 70%, а их число увеличилось более чем вдвое до 4.6 млрд человек (рассч. по источн. к граф. 1 [Мельянцев, 2021, с. 206]).

Неравенство в распределении доходов в 1990–2010-е гг. выросло в большинстве РС, на которые приходится свыше 3/4 численности их населения [*UN*, 2020, р. 27]. Доля в национальном доходе высшего 1% населения в целом по Индии, России и Китае увеличилась с 8–10% в 1990 г. до 14–21% в 2016 г. [*The UNDP*, 2019, р. 120].

Коэффициент Джини (КД) по распределению располагаемых доходов оказался в 2014–2019 гг. в среднем по странам БРИКС (0.46) на 1/3 выше, чем по ведущим РГ (0.35) (рассч. по источн. к граф. 1; [Мельянцев, 2021]). В КНР, в которой в результате бурного роста экономики быстро, хотя не одинаковым темпом росли доходы всех слоев населения, и было практически покончено с массовой нищетой, КД в 1980–2018/19 гг. увеличился, по обследованиям, ~ в 1.5 раза до 0.45–0.47, а прирост числа долларовых миллиардеров в 2010-е гг. был в 1.5 раза больше, чем в США [*UN*, 2020, р. 26; *China Makes*, 2017; *Forbes*, 2021]. В среднем по странам БРИКС *доля национального богатства*, приходящаяся на топовый 1% населения, выросла в 2000–2010-е гг. ~ на 1/4 до 35% и оказалась на 1/5 больше, чем в среднем по ведущим РГ (рассч. по [*Credit Suisse*, 2010, р. 119; 2019, р. 168]).

Во время кризисов обычно сокращаются доходы не только у бедных, но и среднедоходных и многих групп богатого населения. Что касается нынешней пандемии, то положение первых в мире в 2020 г., в т.ч. вследствие неадекватных по масштабам принятых мер (фискальная помощь в беднейших РС не превысила 2% их ВВП, в среднедоходных РС составила 6%, в РГ – 24% ВВП), несомненно, ухудшилось. По расчетам МВФ, несмотря на существенный спад в РГ, в целом *отставание от них по уровню ПВВП по результатам 2020 г. выросло не менее чем в половине РС*¹². Число критически бедных в РС увеличилось

¹¹ Графики 7 и 8 находятся на цветной вклейке.

¹² В ближайшие год – два МВФ планирует оказать финансовую помощь наиболее бедным и пострадавшим РС в размере 105 млрд долл. (рассч. по источникам к граф. 1 [Мельянцев, 2021], а также [Georgieva, 2021]).

на 100–120 млн. человек. При этом, однако, в США, в условиях кредитной накачки, роста фондовых рынков и активизации цифровой экономики, богатство 644 американских миллиардеров выросло почти на треть, а у самой богатой пятерки из них – на 2/3 [UN, 2021, p.14–15].

Дифференциация внутри и между странами усиливается не только по уровню материального положения, но и доступности и качеству медицинского обслуживания, образования и других услуг. Вакцинация в первом квартале 2021 г. в богатых странах происходила в 25 раз быстрее, чем в беднейших [Лишь более 5% жителей планеты, 2021]. При этом весьма похоже, что во многих странах Юга (Индия, АЮС, ЛА) коронавирусная пандемия, базирующаяся, в т. ч. на ее новых, весьма контагиозных и вирулентных штаммах, весной 2021 г. набирала обороты [Parkin et al., 2021; India's, 2021].

Резюмируя, стоит подчеркнуть, что в течение последних двух веков, преодолевая множество проблем и противоречий, все большая часть человечества (не только РГ, но и несколько десятков РС), сумев многократно увеличить технико-экономический потенциал и человеческий капитал, совершенствуя системы управления, стала развиваться в парадигме современного (относительно интенсивного) экономического роста. Но дифференциация по многим характеристикам развития между странами мира остается весьма значительной.

В силу ряда причин, часть из которых рассмотрена выше [Мельянцев, 2021], в РГ, по-прежнему являющихся крупнейшими в мире генераторами инноваций¹³, произошло *существенное трендовое замедление в росте подушевого ВВП и производительности*. На этом фоне, а также создав в течение последних десятилетий сравнительно эффективные механизмы роста, ряд развивающихся, прежде всего азиатских, стран сумели добиться *заметной конвергенции по отношению к РГ*.

Если по ЛА, арабским странам (АС) и АЮС их уровни СФП по отношению к РГ в целом имели тенденцию к снижению (в 1980–2019 гг. соответственно с 42 до 27%, с 32 до 25% и с 11 до 10%), то в Индии этот показатель вырос, правда с весьма низкой планки, примерно втрое – с 6 до 19% и в Китае в 2.5 раза – с 14 до 36% (рассч. по источн. к граф. 2 [Мельянцев, 2021]). Судя по рассчитанному нами *расширенному (семикомпонентному) индексу развития* (РИР, см. граф. 8), Китай, сумевший *существенно повысить эффективность госуправления*¹⁴, стал *заметно подтягиваться к РГ*. Значение его РИР (к среднему уровню по РГ) выросло в 2000–2019 гг. почти вдвое с 32 до 63%¹⁵, в Индии почти на 2/3 – с 24 до 39%, в группе АС и АЮС – на 2/5 (соответственно с 34 до 47% и с 20 до 28%) и в ЛА ~ на 1/4 (с 43 до 54%).

Однако за последние два десятилетия, вследствие заметного усиления во многих РГ и РС *финансово-экономической неустойчивости и социальной поляризации*, особенно возросших во время пандемии, *политическая нестабильность в мире усилилась весьма существенно* – не менее чем на 1/10 (рассч. по [The World Bank, Worldwide Governance, 2020]). Как подчеркивал известный американский социобиолог Э. Уилсон, мир, в котором

¹³ По состоянию на второй квартал 2021 г. на страны Запада приходилось 17 из 20 лучших университетов мира (по версии QS), 15 из 20 крупнейших технологических компаний мира и свыше 2/3 венчурных инвестиций мира в 2018–2020 гг. [Wolf (2), 2021].

¹⁴ По данным Всемирного банка, с середины 1990-х по конец 2010-х гг. качество госуправления выросло на 2/3 (в целом по другим развивающимся странам оно снизилось на 1/5), почти вдвое превысив его средний уровень по последним и достигнув 4/5 (!) от планки РГ (рассч. по [The World Bank, 2020]).

¹⁵ Однако, в КНР в 2010-е гг. произошло торможение роста ВВП и СФП, увеличился, как отмечалось, показатель задолженности к ВВП, и к концу десятилетия почти прекратился рост численности населения [The World Bank, Global Productivity, 2020, p. 226; Is China's Population Shrinking, 2021].

мы живем, характеризуется взрывоопасным сочетанием «эмоций каменного века, средневековых институтов и божественных технологий» [Sachs, 2020, p. 170].

Прогресс в нем, за последние 5 тыс. лет движимый, как представляется, не только, а возможно, не столько конкуренцией, сколько масштабированием кооперации и сотрудничества внутри и между разными группами инноваторов, предпринимателей, торговцев и потребителей, ныне, в условиях частичной деглобализации мира и нарастающей геополитической конфронтации внутри него, подвергается серьезной опасности, возможно, сильно недооцененной теми глобальными игроками, которые в последние десятилетия заметно стали сдавать свои позиции в мировой экономике быстрорастущим странам Востока и Юга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Лишь более 5% жителей планеты полностью вакцинировались от COVID-19. 12.04.2021 [*Only More Than 5% of the World's Population Has Been Fully Vaccinated Against COVID-19* (in Russian)]. <https://www.ng.ru/news/706835.html> (accessed 12.04.2021).

Мельянцев В.А. КНР и США, кто кого: сравнение основных параметров экономического развития. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 8. С. 5–14 [Meliantsev V.A. The PRC and the USA, Who is Winning: a Comparison of the Main Parameters of Economic Development. *Asia and Africa today*. 2019. No. 8. Pp. 5–14 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Современная глобализация и ее воздействие на экономически продвинутые и развивающиеся страны. *Вестник Московского университета*. Сер. 13. Востоковедение. 2018. № 1. С. 98–119 [Meliantsev V.A. Contemporary Globalization and Its Impact on Economically Advanced and Developing Countries. *Moscow University Bulletin*. Ser. 13. Oriental Studies. 2018. No. 1. Pp. 98–119 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. Часть 1. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 203–215 [Meliantsev V.A. Main Trends, Determinants and Problems of Modern Economic Growth in Developed and Developing Countries. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 203–215 (in Russian)].

China Makes Inroads in Its Battle Against Inequality. *The Financial Times*. 23.11.2017.

China's Top Bank Regulator Warns of 'Bubble Risks' in Foreign Markets. *The Financial Times*. 02.03.2021.

Credit Suisse. Global Wealth Data Book, 2010, 2019. Zurich.

Forbes World's Billionaires List. *The Richest in 2021*. <https://www.forbes.com/billionaires> (accessed 25.02.2021).

Georgieva K. *The Great Divergence: A Fork on the Road for the Global Economy*. 24.02.2021. <https://blogs.imf.org/2021/02/24/the-great-divergence-a-fork-in-the-road-for-the-global-economy/> (accessed 24.02.2021).

India's Devastating Second Wave. *The Financial Times*. 21.04.2021.

Is China's Population Shrinking? *The Economist*. 01.05.2021. <https://www.economist.com/china/2021/04/29/is-chinas-population-shrinking> (accessed 01.05.2021).

Parkin B., Singh J., Findlay St., Burn-Murdoch J. 'It Is Much Worse This Time'; India's Devastating Second Wave. *The Financial Times*. 21.04.2021.

Sachs J. *The Ages of Globalization. Geography, Technology and Institutions*. New York: Columbia University Press, 2020.

Sandbu M. The Credit Crisis Did Not Lead to Deleveraging. *The Financial Times*. 11.08.2017. <https://www.ft.com/content/8bdb3458-7dff-11e7-9108-edda0bcb928>. (accessed: 11.08.2017).

The Environmental Performance Index. (accessed 25.04.2020).

The Finance Industry Ten Years After the Crisis. *The Economist*. 14.10. 2017. <https://www.economist.com/news/finance-and-economics/21730157-buddy-can-you-spare-daimler-finance-industry-ten-years-after-crisis> (accessed 2017.10.14)

The UNDP. Human Development Report, 2019, 2020. New York.

The World Bank. *Global Productivity. Trends, Drivers, and Policies*. Washington, D.C., 2020.

The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports> (accessed 25.04.2020).

UN. World Economic Situation and Prospects, 2021. New York, 2021.

UN. World Social Report, 2020. Inequality in a Rapidly Changing World. New York, 2020.

Wolf M. (1). Action Must Replace Talk on Climate Change. *The Financial Times*. 04.05.2021.

Wolf M. (2). China Is Wrong to Think the US Faces Inevitable Decline. *The Financial Times*. 28.04.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МЕЛЬЯНЦЕВ Виталий Альбертович – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Vitalii A. MELIANTSEV, DSc (Economics), Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье В.А. Мельянцева

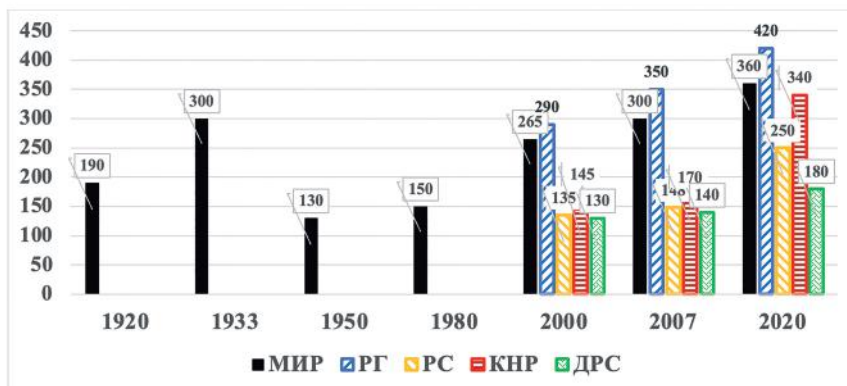

График 7. Динамика объема непогашенного совокупного долга, в % к ВВП, 1920-2020 гг.

Составлено по [Sandbu, 2017; *The Finance Industry Ten Years After the Crisis*, 2017; *China's Top Bank Regulator Warns of 'Bubble Risks' in Foreign Markets*, 2021].

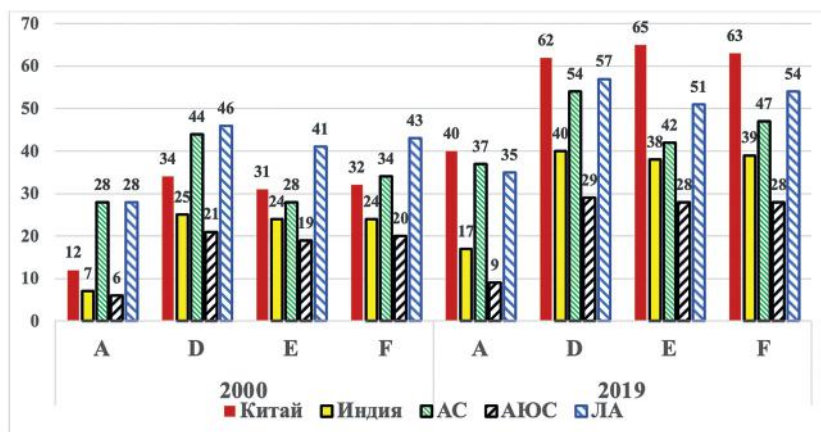

График 8. Динамика расширенного индекса развития (РИР) ведущих регионов и стран

развивающегося мира в 2000-2019 гг. (РГ в 2019 г. =100%)

Примечания. 1. РИР – композитный показатель. А – подушевой ВВП в ППС 2011 г., D – индекс человеческого развития (среднее геометрическое невзвешенное показателей подушевого ВВП в ППС 2011 г., среднего числа лет обучения взрослого населения и средней продолжительности ожидаемой жизни (от рождения), отнесенных к уровню РГ в 2019 г.), E – среднее геометрическое невзвешенное уровней технологического и экологического развития, качества основных институтов, равенства распределения доходов. F – среднее геометрическое невзвешенное семи индикаторов, входящих как компоненты в субиндексы D и E. 2. РГ – развитые государства, АС – арабские страны, АЮС – Африка южнее Сахары, ЛА – Латинская Америка.

Рассчитано по источникам к граф. 1, [The World Bank, 2020(3)], а также по данным The Environmental Performance Index (<https://epi.envirocenter.yale.edu> (accessed 25.04.2020)).